

История моей жизни

Часть первая. 1815-1840

Михаил Бакунин

1871

Оглавление

1815-1840

4

Итак, я начну рассказ о своей жизни с представления свидетельства о рождении. Я родился 30/18 мая 1815¹ года в имении моего отца, в Тверской Губернии, в [Ново]Торжском уезде, между Москвой и Санкт-Петербургом.

Мой отец принадлежал к старинному дворянскому роду. Его дядя, носившей то же имя, был министром иностранных дел при императрице Екатерине II, и мой отец, еще ребенком в возрасте 8 или 9 лет, был направлен в качестве атташе в российское посольство во Флоренции, где один из его родителей, взявший на себя заботу о его воспитании, был министром. В Россию он вернулся только в возрасте около 35 лет. Таким образом, его образование и юность прошли за границей. – Мой отец был очень остроумным человеком, высокообразованным, даже ученым, очень либеральным, очень филантропичным, деистом, не атеистом, но свободным мыслителем, в контакте со всеми знаменитыми философами и учеными Европы того времени – и поэтому в полном противоречии со всем, что существовало и дышало в то время в России, где только небольшая секта более или менее гонимых франк-масонов хранила и медленно раздувала, втайне, священный огонь уважения и любви к человечеству.

Мир петербургского двора показался моему отцу настолько отвратительным, что, добровольно прервав свою карьеру, он укрылся на всю оставшуюся жизнь в деревне и больше никогда ее не покидал. Однако он был так хорошо известен почти всем просвещенным людям в России того времени, что его деревенский дом почти никогда не пустовал. С 1817 по 1825 год он был членом Северного тайного общества, именно того, которое в декабре 1825 года предприняло неудачную попытку военного восстания в Петербурге. Несколько раз ему предлагали стать председателем этого общества. Но он был слишком скептичен и, в конце концов, слишком осторожен, чтобы согласиться, поэтому не разделил трагическую, но славную судьбу нескольких своих друзей и родственников, одни из которых были повешены в Петербурге в 1825 году, а другие приговорены либо к каторжным работам, либо к ссылке в Сибирь.

¹ Скорее всего опечатка. На самом деле 1814.

1815-1840

Мой отец был довольно богат. Он был, как тогда говорили, владельцем 1000 душ мужского пола, причем женщин отдельно не считали в этом рабстве, как не считали их и в свободе. Таким образом, он был хозяином 2 000 рабов мужского и женского пола, имея право продавать их, бить, отправлять в Сибирь, отдавать в армию в качестве рекрутов и, прежде всего, нещадно эксплуатировать или просто грабить и жить за счет их принудительного труда. Я сказал, что мой отец приехал в Россию, полный либеральных чувств, – Его либерализм сначала восстал против этого ужасного, позорного положения рабовладельцев... он даже предпринял несколько необдуманных и безуспешных попыток освободить своих крепостных, затем, с помощью привычки и корысти, он стал тихим помещиком, как и многие его соседи, – тихим и смирившимся с рабством этих сотен человеческих существ, чей труд кормил его.

Одной из главных причин произошедших в нем перемен стала его женитьба. В возрасте 40 лет, безумно влюбившись в 18-летнюю девушку, такую же знатную, как он сам, красивую, но бедную, он женился на ней; и чтобы компенсировать этот акт эгоизма, он до конца жизни стремился опустить ее до своего уровня, вместо того чтобы поднять ее до своего². Моя мать была Муравьевой, первой кузиной Муравьева-вешателя, а также Муравьева-палача. Она была тщеславной, эгоистичной особой, и никто из ее детей ее не любил. Зато мы обожали нашего отца, который в детстве был полон доброты и снисходительности к нам.

Нас было 11 детей. У меня осталось пять братьев и две сестры. Мы воспитывались под покровительством моей потери³, скорее на западный, чем на русский лад – мы жили, так сказать, вне русской действительности – в мире, полном чувств и фантазий, но лишенном всякой реальности – Сначала наше образование было очень либеральным. Но после катастрофических результатов декабрьского заговора (1825) мой отец, напуганный поражением либерализма, изменил свою систему. С этого времени он стремился сделать нас верными подданными Царя. С этой целью в 1830 году, в возрасте 14 лет, я был отправлен в Санкт-Петербург для поступления в артиллерийское училище.

Я провел там три года и в возрасте 17 лет и нескольких месяцев, в 1832 году, был произведен в офицеры.

Несколько слов о моем интеллектуальном и нравственном развитии в этот период: Когда я покинул отчий дом, я довольно хорошо говорил по-французски, единственному языку, который меня заставляли изучать грамматически, немного по-немецки и с некоторым трудом понимал английский. Латынь и греческий я не знал, а о русской грамматике не имел ни малейшего представления. Отец преподавал нам древнюю историю по Боссюэ, заставил меня прочесть немного Тита Ливия и Плутарха, последнего в переводе Амиота. Кроме того, у меня были весьма смутные и неопределенные представления о географии, и благодаря дяде, отставному военному офицеру, я довольно хорошо усвоил арифметику, алгебру до уравнений 1-й степени включительно и планиметрию. Это были все научные знания, которые я взял с собой из отцовского дома в возрасте 14 лет. Что касается религиозного образования, то его не было. Наш

² il s'efforça pendant tout le reste de sa vie, de descendre à son niveau, au lieu de la faire monter au sien.

³ mon perte

семейный священник, прекрасный человек, который мне очень нравился, потому что приносил мне пряники, пришел дать нам несколько уроков катехизиса, которые не оказали абсолютно никакого влияния, ни положительного, ни отрицательного, ни на мое сердце, ни на мой ум – Я был скорее скептиком, чем религиозным, или, скорее, равнодушным.

Мои представления о морали, законе и долге также были слишком расплывчатыми. У меня были чувства, но не было принципов. Я любил инстинктивно, то есть по привычке, приобретенной в детстве в той среде, где прошло мое детство, – я любил хорошее и доброе и ненавидел дурное, не будучи в состоянии понять, что составляет дурное и доброе; я возмущался и бунтовал против всякой жестокости и всякой несправедливости. Я даже думаю, что возмущение и бунт были первыми чувствами, развившимися во мне энергичнее, чем другие. Мое нравственное воспитание было уже искажено тем, что все мое материальное, интеллектуальное и моральное существование было основано на вопиющей несправедливости, на абсолютной безнравственности, на рабстве наших крестьян, которые кормили наш досуг. Мой отец полностью осознавал эту безнравственность, но, будучи человеком практичным, никогда не говорил с нами об этом, и мы игнорировали это очень долго, слишком долго. – Наконец, во мне жил дух авантюризма. Мой отец много путешествовал и рассказывал нам о своих поездках. Одним из наших любимых чтений с ним были описания путешествий. Мой отец был очень эрудированным натуралистом. Он любил природу и передал нам эту любовь, это пылкое любопытство ко всему естественному, не дав нам ни малейшего научного представления. Идея путешествовать, увидеть новые земли и новые миры стала для всех нас идеей фикс – Эта постоянная, настойчивая идея развивала мое воображение. В свободное время я рассказывал себе истории о том, как убежал из отцовского дома и искал приключений далеко-далеко... Я обожал своих братьев и сестер, особенно сестер, а отца почитал как Бога. –

Таким я был, когда поступил курсантом в артиллерийское училище. Это было мое первое знакомство с русской действительностью.

Ах, дорогой мой, никто из родившихся в Западной Европе, ни Француз, получивший политическое образование при режиме Наполеоне III, ни Пруссак, научившийся быть свободным гражданином при Бисмарке, ни Итальянец под игом Австрии, ни Испанец, подчинявшийся Бурбонам, Изабелле и Нарваэсу, никогда не сможет составить себе представления о том, какой была русская действительность в царствование Императора Николая!

Чтобы дать вам небольшое представление, напомним, что вступление на престол императора Николая ознаменовалось подавлением военного мятежа, который долгое время готовился крупным дворянским заговором. Это то, что мы называем декабрьским заговором, не потому, что он начался в этом месяце, а потому, что в декабре он провалился. Я называю его дворянским не из-за его программы, которая, напротив, была очень демократической, даже социалистической во многих отношениях, а потому, что почти все его члены были молодые люди, принадлежавшие к дворянскому сословию и представлявшие собой, так сказать, лучший цветок интеллигентной молодежи того времени. Растопчин, бывший генерал-губернатор Москвы, тот самый человек, который в 1812 году сжег эту бывшую столицу империи, чтобы

выгнать Наполеона с его огромной армией, и который был человеком одновременно очень умным и очень реакционным, сделал замечание, которое было столь же характерным, сколь и точным:

«Мы видели, как дворяне совершают революцию, чтобы захватить власть, – сказал он, – мы видели, как демократия восстает против привилегий аристократии – Но нужно приехать и пожить в России, чтобы увидеть, как привилегированные люди и дворяне совершают революцию, не имея иной цели, кроме уничтожения своих привилегий».

И это действительно было главной целью заговора декабристов. Существовало два общества: Северное и южное. Первое, охватывавшее Петербург и Москву и состоявшее большей частью из офицеров гвардии, было гораздо более аристократическим и политическим, в смысле государственной власти, чем второе. Муравьевы, первые кузены моей матери, включая Муравьева-вешателя, были его членами. Члены «Северного Общества» также хотели освобождения крестьян, но в то же время они были сторонниками великой Империи, целостности и мощи которой они желали, с либеральной конституцией, естественно, дворянской, но де-факто, а не де-юре – так же, как сегодняшняя демократическая республика Швейцарии является буржуазной, не де-юре, а де-факто. Озабоченное величием Империи, Северное Общество выступало против независимости Польши.

Южное общество, охватывавшее весь юг России и имевшее центром город Киев, было более откровенно революционным и полностью демократическим. Оно было таковым не потому, что жители юга отличались особым характером, ведь оно тоже состояло в основном из армейских офицеров, подавляющее большинство которых также были выходцами из Великороссии, а потому, что эти офицеры были прежде всего армейскими, а не гвардейскими, и потому, что во главе их стояли превосходные люди: полковники Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и гениальный человек – штабс-полковник Пестель.

Пестель был федералистом и социалистом – в том смысле, что он не только требовал освобождения от крепостной зависимости и личной свободы для Крестьян, но и собственности на землю. Кроме того, он хотел превратить Империю в федерацию провинций, федеративную республику, подобную Соединенным Штатам Америки. Не игнорируя право Польши на независимость, они стремились к союзу с польскими революционерами, что вызывало критику и даже гнев со стороны Общества Севера. Несколько раз даже происходили переговоры между Пестелем, Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым и польскими делегатами, имена которых я забыл, за исключением одного – князя Яблоновского.

Вот что говорит об этих встречах польских и русских делегатов современный Польский писатель, высоко ценимый Поляками всех партий, но особенно демократической партии, историк и одновременно участник восстания 1830 года и предшествовавшего ему заговора, в своей истории польской революции:

«Надо признать, что Московитские делегаты принесли на эту встречу с польскими делегатами глубокое знание вещей и совершенную добросовестность, тогда как наши польские делегаты принесли только свое легкомыслие и тщетные ухищрения»...; «Нечто неслыханное и достойное сохранения в летописи славянских народов: если у польских революционеров не было иной заботы, кроме воссоздания древнего

польского Государства, то русские революционеры, напротив, откровенно желали уничтожения своей Империи».

Пестель, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин были не только великими умами, но и имели великий характер. – Все трое были повешены в Петербурге в 1826 году и умерли как герои без приговора. Их товарищами по казни были поэт Рылеев, самый передовой член Северного общества, и поляк Коховский. За несколько дней до казни Пестеля навещил его отец, генерал-губернатор Сибири, большой негодяй, жестокий, вор, убийца – словом, то, что можно назвать хорошим слугой Царя. Он пришел оскорбить своего сына, который даже не соизволил открыть рот, чтобы ответить. Лишь однажды, когда достойный отец спросил его: «Ну, что ты думаешь, что бы ты сделал, если бы огорчил Императора?» – Пестель ответил: «Мы бы спасли Россию от таких чудовищ, как ты» –

Пытки виселицей в России не были привычны, и палач, казнивший наших дорогих мучеников свободы, предшественников нашего дела, показал себя чересчур неуклюжим. Плохо закрепленная веревка соскользнула на лицо Пестеля. Он упал на землю, страшно ушибившись, и вот единственные слова, которые он произнес, пока палач готовил для него новую веревку:

«Они даже не знают, как вешать в России!»

Вы, несомненно, спросите меня: Как могли такие люди родиться и развиваться в России, в среде дворянского сословия, единственной традицией которого было самое низменное раболепие перед Царями и самый варварский деспотизм по отношению к крестьянам, своим рабам, и все интересы и существование которого противоречили свободе и человечности? Но чтобы несколько сот человек, рожденных в привилегиях, живущих за счет привилегий, занимающих более или менее блестящие и доходные посты в обществе, принесли себя в жертву, покончили с собой, чтобы убить привилегии и освободить своих рабов, – Такого не было ни в одной стране, а в России это было реальностью. Как объяснить этот странный феномен?

Я объясняю это варварской свежестью их натуры. Они не были развращены долгим пребыванием в буржуазной цивилизации запада и не успели к ней приунуть, потому что у них никогда не было такой маленькой перемены⁴. Живя среди варварства, окруженная варварами, эта цивилизация предстала перед ними со своей самой возвышенной, самой грандиозной стороны, скрыв от их глаз свою мелкую, бытовую сторону, так хорошо известную западным народам Европы, – она предстала перед ними как новая религия, как культ человечности. Она воспламеняла их и превращала в мучеников и героев. Первое образование заговора декабристов относится к 1816 году, когда наша армия вернулась в Россию после падения Наполеона. В своих походах по Германии и Франции молодые русские офицеры часто общались с немецкими студентами, членами Тугенбунда, с представителями французского либерализма, даже с бывшими республиканцами – Они ввели свои идеи в Россию, и эти идеи, благодаря девственной почве, развились там еще энергичнее, чем в странах, где

⁴ Ils n'ont pas été dépravés par un long exercice de la civilisation bourgeoise de l'occident, et n'ont pas eu le temps de se blaser sur elle, car ils n'en ont jamais eu la menue monnaie

они зародились – Поэтому в Испании, я убежден, Интернациональная Ассоциация⁵ примет более энергичный, более грандиозный характер, чем где-либо в Европе.

В течение 10 лет, с 1815 по 1825 год, в русском дворянском обществе по-настоящему зарождались политическая и социальная жизнь и человечность. До этого времени русское дворянство, наследственная бюрократическая каста, добровольный раб Царя и свирепый хозяин рабов, работавших на его землях, с самого начала своей истории было лишь гнусной скотиной, лишенной всяких идей, утонувшей в глупейших предрассудках и в двойном позоре позорного раболепия и зверского деспотизма. Она никогда не восставала против Царей, и именно в этом, прежде всего, заключается глубокое различие, которое всегда существовало между развитием политической жизни в России и в Польше.

Основа Польской и русской истории одна и та же: это рабство крестьян. Ибо сколько бы Поляки ни говорили обратного, несомненно, что их крестьяне были рабами в той же степени, что и наши, и можно даже сказать, не погрешив против истины и справедливости, что презрение их дворянства к поработченной массе крестьян, к этим несчастным холопам, сыновьям Хама, было еще более высокомерным, чем у русского дворянства к своим собственным. Между двумя странами была только одна огромная, существенная разница: в Польше рабство крестьян служило основой для учреждения независимости, свободы и шляхетской анархии; а в России, в Московском Государстве, крестьянское рабство стало основой дворянского рабства, власти Царя, Государства, в Польше короли, всегда скованные и как бы аннулированные коллективной властью шляхты, неоднократно пытались, по примеру монархов Запада, вступить в союз с крестьянами против шляхты, но всегда тщетно. В России же с момента основания Московской Империи и до 1815 года все политическое учреждение было основано на теснейшем союзе интересов помещичьего дворянства с интересами Царя. Русские бояре были добровольными рабами, Ревностными, абсолютно преданными Царю и всегда вороватыми при условии, что тот уважал их абсолютную тиранию над своими крепостными.

Это привело к двум результатам, двум естественным контрастам:

Первый заключался в том, что польская шляхта с ранних лет в большей или меньшей степени участвовала в цивилизации западной Европы, с которой ее, к тому же, связывал римский католицизм. Свобода подобна воздуху, она вдыхает жизнь во все. Даже если она исключительна и основана на беззаконии, она приносит плоды. Польская шляхта была гордой, рыцарской и ревностно относилась к своей свободе. Патриотизм и гражданские добродетели процветали прежде всего среди среднего и низшего дворянства, насчитывавшего два-три миллиона душ, которое польский историк Лелевель называет дворянской демократией, противопоставляя ее дворянской олигархии самых богатых и могущественных господ. С самого начала в Польше существовала оригинальная литература и цивилизованные нравы, смешанные с показностью и азиатской дикостью. – Русские дворяне, напротив, были такими, какими всегда бывают рабы: глупыми, невежественными, жестокими, вороватыми и подневольными.

⁵ Первый Интернационал.

Второй контраст заключается в следующем: В Польше вся жизнь, все политическое движение, борьба за независимость и свободу были сосредоточены в шляхетском сословии. С 1042 года, когда польские крестьяне в последний раз восстали против своих господ и против христианства, которое было навязано им как религия господ, народ Польши, скованный игом аристократии и внутренне деморализованный ядом католического учения и культа, больше не восставал. В России все было наоборот. Дворянство было добровольным и заинтересованным рабом. Крестьяне всегда восставали и продолжают восставать – из чего ясно следует, что все будущее русского мира лежит на них, – неоспоримая истина, которую я считаю достаточно развитой в моей бернской речи о России⁶. Я дал вам несколько копий.

Западная цивилизация, насильственно внедренная в Россию деспотическими реформами Петра Великого – деспотическими и жестокими, как и мир, который они должны были преобразовать, – эта цивилизация, которую Царь-реформатор привнес в нашу страну не ради целей человечности, а исключительно для создания и укрепления Государства, долгое время оставалась чем-то совершенно внешним и, так сказать, мертвым. Царь действительно заставлял бояр брить бороды, курить табак и показывать жен и дочерей на людях. Он насильно отрывал молодых людей от семей и отправлял их учиться за границу, но все это лишь внешне меняло социальную жизнь дворянства в России, оставляя внутреннее варварство семейств нетронутым. Ближайшие ко двору дворяне, их сыновья и дочери, изучали иностранные языки и говорили по-французски, особенно так, как говорили в Версале, то есть как попугаи, подражали одежде, манерам, жаргону и обычаям европейской аристократии, оставаясь при этом трусливыми слугами, рабами, палачами, варварами, в тысячу раз более отвратительными в своем западном одеянии.

Однако эта цивилизация, завезенная исключительно ради политической власти, в итоге принесла в Россию не только формы – она принесла ей великую литературу и гуманистическую философию XVIII века. Благодаря сексуальной и политической потребности в кокетстве, которая была частью характера Императрицы Екатерины II, подруги и корреспондентки Дидро и Вольтера, стремившейся выдать себя за сильную духом, ревностную подругу цивилизации и человечности, на русский язык были переведены все основные произведения века, труды Вольтера, «Энциклопедия» и многие другие французские и немецкие книги – Екатерина защищала эту новую литературу и делала ее модной. Многие из ее придворных интересовались ею только потому, что так хотела Императрица. Люди становились философами, как палачи, из раболепия. Но среди читателей этих произведений была группа людей, сначала очень немногочисленная, которые читали их иначе, для которых светлая идея этого века, идея человечности, заменяющего Божество, была откровением и стала основой, принципом жизни – новой религией. Эти люди, включая Новикова, главного человека, энтузиаста-инициатора этой группы, стали пропагандистами, апостолами. Они были истинными создателями русской литературы. Они за свой счет отправляли молодых людей в Европу учиться не для Государственных нужд, в том числе и русского историка Карамзина, который впоследствии отвернулся от своих щедрых покровителей и встал на службу Государственным интересам, став

⁶ Возможно, имеется ввиду «Социализм, федерализм и антитеологизм».

как бы создателем официального патриотизма и патриотической реторики, но при этом первым в России стал писать человеческую прозу.

Они внедрили свое влияние в университеты Петербурга и особенно Москвы, которая с этого момента стала центром гуманистической пропаганды. По примеру современных пропагандистов той же идеи в Европе они организовали масонскую ложу, в которую тщеславие и любопытство привлекли множество людей, влиятельных, богатых и титулованных, что, естественно, увеличило их средства воздействия и власть. В конце концов Екатерина II, которая, несмотря на либеральную внешность и [неразборчиво] сексуальную, а также политическую натуру, была откровенной деспоткой, расстроилась. Ложа была закрыта, Новиков и его друзья подверглись страшным гонениям – одни были заключены в тюрьму, другие сосланы, третьи разорены или развращены, – Но дело было сделано, семя посеяно и не могло не принести плодов на богатой, девственной почве, какой была русская интеллигенция.

С начала века и до 1812 года это был период подготовки, зарождения и незаметного, но мощного развития. Вторжение Наполеона в 1812 году пробудило и расстроило всю Империю. Для России это была огромная радость. Чтобы защитить себя, Государство было вынуждено обратиться ко всем: к дворянству, духовенству, буржуазии в городах, рабам в деревне – Все почувствовали себя заново рожденными, осознав, что они нужны – Это было первое дуновение свободного ветра, пронесшееся по Империи рабов – С 1812 года крестьяне вновь стали требовать свою свободу и свою землю – Что касается дворянской молодежи, вывезенной войной в Европу, то она вернулась преобразенной, либеральной и революционной – Началась огромная пропагандистская кампания во всех городах, во всех гарнизонах, во всех дворянских домах России – Наконец, женщины приняли в ней участие, причем с безграничной страстью. Это был первый акт их интеллектуального, морального и социального освобождения. Русское дворянство, словно чудом, превратилось из презренных рабов, забияк и варварских деспотов в фанатичных пропагандистов человечности и свободы.

Среди этого щедрого и пылкого очага развивался наш великий поэт Пушкин, подаривший нам человеческую поэзию – Он раз и навсегда преобразил наш язык и стал одним из мощных орудий новой цивилизации в России. Пламенный характер, но слабый и неопределенный, как всегда бывает у поэтов, после долгой борьбы с властью он окончательно примирился с Императором Николаем, который сделал его камергером своего двора, – Но его имя остается не менее популярным и отождествляется с пробуждением жизни в России.

Таким был новый мир, полный будущего и жизненной силы, который Император Николай заложил с первого же дня своего правления. Реакция, последовавшая за подавлением Декабрьского восстания, была ужасающей. Все человеческое, разумное, гордое и свободное было уничтожено, а все мерзкое, жестокое, подлое, ужасное и гнусное возшло на трон вместе с Императором Николаем. Это было сознательное, планомерное и полное уничтожение человечности в пользу жестокости и всевозможных глупостей и мерзостей. И вот среди этой новой, вернее, старой, но восстановленной, обновленной и укрепленной железным кулаком Императора Николая действительности я четырнадцатилетним подростком поступил кадетом в артиллерийское училище.

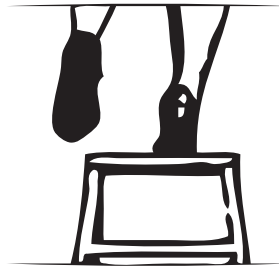
Искоренить все до последнего зернышка либерального духа в русском обществе, подавить в своих подданных малейший намек на независимость чувств и мыслей – такова была главная забота, непоколебимая идея фикс Императора Николая в течение тридцати страшных лет его царствования. Достичь этого можно было двумя способами: во-первых, беспощадным преследованием всего, что после декабрьской катастрофы еще оставалось в России честного и умного, и, во-вторых, свободным развитием и покровительством всему, что было в этой несчастной стране трусливого, жестокого и грубого, подневольного и подхалимского; это должно было убить новую Россию и возродить старую. Императору Николаю пришлось выбирать между либералами и ворами Государства и народа – он, естественно, выбрал воров. При нем торжествующая бюрократическая мразь заполнила все уголки Империи, грабя, угнетая, зверствуя и жестоко обращаясь со всем, что ниже, охаявая и подневольно, но неизменно воруя у всего, что выше, – словом, бюрократия, встречающаяся во всех деспотических странах, только удвоенная татарской наивностью и Византийским лицемерием.

Во времена правления Императора Николая в России царило удушье. Всякая человеческая мысль была объявлена вне закона. Горе тому, кто хотя бы роптал против бесчинств, ежедневно совершаемых Царскими сатрапами, – его немедленно раздавливали – Горе тому, кто осмеливался думать не так, как ему приказывали, – он немедленно исчезал. Это было царствование террора, превращенное в повседневное правило управления и власти –

Все, что русское общество приобрело в человеческой цивилизации при Александре I, оно потеряло при императоре Николае. Все лучшее, цветок дворянской молодежи, несколько сотен человек, были похоронены в Сибири. То немного, что осталось...

[Рукопись здесь обрывается]

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
История моей жизни
Часть первая. 1815-1840
1871

IISG

Рукопись Бакунина, написанная на французском языке, рассказывает о раннем детстве Бакунина, однако, по мере повествования он отклонился от темы, перейдя к описанию жизни своего отца и политической атмосферы первой половины XIX века в России.

ru.anarchistlibraries.net